

ПРОБЛЕМЫ АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ

УДК 39:316.45

DOI: 10.17223/19988613/65/19

В.В. Власова

СААМЫ И КОМИ-ИЖЕМЦЫ С. ЛОВОЗЕРО: ФОРМИРОВАНИЕ ОБРАЗОВ *КОРЕННОГО И ПРИШЛОГО* НАРОДОВ

Полевые исследования финансировались проектом ERA.Net RUS Plus, программа № 189 (CORUNO).

Рассматриваются содержание основных черт образов коренного и пришлого народов, факторы, оказавшие влияние на их формирование, а также корректировка этих образов, происходившая под влиянием социально-экономических и политических изменений, на примере саамов и коми-ижемцев, проживающих в с. Ловозеро. Показано, что представления о своем и чужом народе являются важным элементом механизма производства и воспроизводства идентичности в локальных полиэтнических сообществах.

Ключевые слова: этнические образы; локальные группы; саамы; коми-ижемцы.

Проблемы, связанные со стабильностью этнических групп, их адаптацией к меняющейся социальной среде, механизмами производства и воспроизводства идентичности стали весьма актуальны в последние десятилетия. Исследователи обращают внимание и на то, как протекают эти процессы в локальных полиэтнических сообществах, где группы обладают разным статусом [1–4]. При изучении данных вопросов в центре внимания оказываются этнические образы, которые понимаются как представления о типичном для этнической группы индивиде и группе в целом, не только отражающие действительность, но программирующие ее, влияющие на межатническую коммуникацию [5. С. 58]. Этнокультурная ситуация, сложившаяся в с. Ловозеро Мурманской области, может рассматриваться как один из показательных примеров межкультурного взаимодействия на локальном уровне.

Датой основания Ловозера принято считать 1574 г., когда «лопарский погост» был впервые упомянут в официальных документах как населенный пункт. Изначально здесь проживали саамы (лопари), основным занятием которых являлось озерное рыболовство, в зимнее время – охота на пушного зверя и диких оленей. Наряду с этими видами хозяйственной деятельности большое значение имело оленеводство. Характерной чертой оленеводства кольских саамов конца XIX – начала XX в. был так называемый «вольный выпас»: в начале июня оленей отпускали на свободу, и они паслись без присмотра пастухов примерно до октября. Саамы в это время жили в летних погостах и занимались рыболовством. «Погостом» называли территорию, которая включала себя места постоянного (зимнего) и временного проживания определенной саамской общины, а также маршруты перекочевков, родовые угодья и промысловые территории. Каждый погост был локализован на местности, его границы были четко опре-

делены, а община обладала исключительным правом на природные ресурсы в пределах погоста [6. С. 9, 48; 7. С. 26].

В конце XIX в. (1886–1887) на Кольском полуострове появляются первые коми оленеводы из бассейна р. Ижма. Миграция была связана с массовым падежом оленей из-за эпизоотий, нехваткой и истощением пастбищ. Вместе с ижемцами сюда же переселилось несколько ненецких семей [8. С. 55, 57]. В 1875 г. в Ловозерском погосте проживали 358 саамов, в 1896 г. – 361 саам, 76 ижемцев, 24 колвинских ненца [9. С. 214]. В 1926/1927 гг., по предварительным данным переписи населения, состав жителей с. Ловозеро был уже иным: из 745 человек 205 были саамы, более половины – ижемцы, кроме них здесь проживали около 60 ненцев и 30 русских [10. С. 8; 11. С. 17]. Ижемских переселенцев связывали отношения родства и соседства, объединяли институциональные связи и общие практики (в первую очередь хозяйственные), сложившиеся на прежней родине [8. С. 58]. Важным фактором внутригрупповой консолидации стало иноэтническое окружение в лице саамского населения. Традиционные способы ведения хозяйства саамов, существенно отличавшиеся от ижемских, были нарушены самим фактом появления оленьих стад переселенцев, которые значительно превосходили по численности саамские. Фактически сразу после появления ижемцев на Кольском полуострове между ними и саамами складываются весьма непростые отношения, которые нашли отражение в представлениях этих народов друг о друге и о себе.

Исследователи отмечают, что взаимное восприятие народов зависит от множества факторов, имеющих определенную соподчиненность. Формирование образов *своего / чужого* народа происходит исторически, подвергается изменениям и коррективам вместе с изменением условий их отношений, исторического опыта,

смены поколений. Для описания *своих / чужих* используется стандартный набор признаков, к которым относятся: язык, особенности внешности, характера и поведения, определенные черты материальной и духовной культуры представителей той или иной этнической группы [12. С. 126; 13. С. 121].

Основой для написания статьи стали историко-этнографические публикации первой половины XX в.; полевые материалы, собранные в с. Ловозеро в ходе экспедиций, проводившихся сотрудниками Института языка, литературы и истории Коми НЦ в 2011, 2016 гг. Сведения, представленные в этнографической литературе, позволяют составить представление о взаимодействии и взаимовлиянии коренного и пришлого населения в первой половине XX в. Необходимо учитывать определенную субъективность этих данных, поскольку на этнографические описания значительное влияние оказывали такие факторы, как государственная политика в отношении освоения северных территорий и существовавшая научная традиция. Отметим, что особенности образа саамов, представленные в русских этнографических текстах второй половины XIX – начала XX в., стали предметом специального исследования [14]. Полевые материалы представляют собой интервью с неформальными этническими активистами, работниками сферы культуры и образования, а также полуструктурированные интервью с учащимися техникума. Следует отметить, что профессиональные интересы первых двух групп информантов связаны с национально-культурной политикой, что в значительной степени определяет их высказывания, поскольку именно через манифестацию этничности они позиционируют себя в культурном пространстве местного сообщества. Тогда как представители молодого поколения, как правило, не рассматривают этничность как значимый культурный маркер, она актуализируется в определенных ситуациях, которые связаны с жизненными перспективами (карьера, образование). В статье рассматриваются отдельные элементы этнических образов ижемцев и саамов, которые, с одной стороны, формировались под влиянием представлений о коренном и пришлом населении, а с другой – определяли их.

Появление ижемцев на Кольском полуострове

Появление оленеводов-ижемцев на Кольском полуострове практически сразу стало объектом административного и научного интереса. Исследователи, работавшие здесь в первой половине XX в., регулярно обращались к проблемам взаимоотношений между местным населением (саамами, русскими) и коми-ижемцами. Практически каждый отмечал, что с появлением больших оленьих стад ижемцев резко возросла нагрузка на имеющиеся пастбища, что неизбежно вело к многочисленным конфликтам между коренным населением и мигрантами. Можно предположить, что этот конфликт нарастал по мере увеличения числа мигрантов и их стад. В 1895 г. отмечалось, что «несколько времени тому назад пробралось в Кольский полуостров несколько зырян из Печорского уезда с своими стадами в количестве около 5 000 штук. Лопари при-

няли их в свое общество и **считают их** чуть не своими **благодетелями**, так как **зыряне** как народ **предприимчивый и расторопный** доставляют им все необходимое в их домашнем быту, приобретая все эти предметы, в свою очередь, выгоднее, чем это удавалось раньше самим лопарям, скупают у них за хорошую цену шкуры оленей, убитых зверей и предметы промыслов. **Недостатка в пастбищных местах** для оленей и скота **пока не ощущается**, между тем в настоящее время у зырян уже более 10 000 оленей, и они получают от них огромные сравнительно барыши» [15. С. 45, 51].

О том, что далеко не все коренные жители были рады появлению переселенцев и определенные трудности существовали уже к этому моменту, свидетельствует ряд фактов. В частности, саамское население было против принятия ижемцев в местные сельские сообщества. В 1897 г. приговор на прием в члены Ловозерского погоста получили И.Н. Терентьев с шестью сыновьями, Ф.В. Канев с двумя сыновьями и С.Я. Филиппов с тремя сыновьями (14 человек из 47), остальные переселенцы так и оставались на положении неравноправной «приживы» [8. С. 57]. В начале XX в. о напряженных отношениях между саамами и ижемцами было хорошо известно и местному начальству, и исследователям. «Констатируя факт **озлобления** русских и лопарей к ижемцам, причину его надо видеть в неполноте законов и местных постановлений о пользовании угодьями Кольского полуострова <...> Колонисты и **переселенцы** зыряне, являясь на занятые уже места, **производят чувствительное стеснение**, и старожилы принуждены терпеть ущерб в своем праве... Что теперешнее население голодает среди природных богатств, надо отнести к его некультурности, и что **коренному населению придется еще терпеть нужду**, видно из права свободного занятия колонистами различных угодий на полуострове» [16. С. 47]. «**Ижемское влияние** как новое и сопровождающееся борьбой на основном хозяйственном поприще – оленеводстве, **является** для лопарей **несомненной угрозой**» [10. С. 45]. Практически во всех публикациях упоминается / анализируется конфликт между саамами и ижемцами как конфликт между коренным и пришлым населением, обусловленный конкуренцией за ресурсы (пользование угодьями и пастбищами).

Память об этих достаточно непростых отношениях сохраняется и сегодня. Представления об этнической территории, тесно связанные со статусами коренного / некоренного народов, принципиально важны для формирования этнических образов. На Кольском полуострове именно конфликт становится основным мотивом в описаниях взаимоотношений между представителями указанных этнических групп. «*Ижемцы <...> забирали землю <...> Когда коми приехали, тут были стычки, надо было знать язык. Рассказывали, что они пригласят в гости, говорят “тэчка, тэчка”, это значит, что убить хотят, человек притворился пьяным и ушел*» (жен., 1954 г.р., саамы, зап. В.Н. Денисенко, В.В. Власова, с. Ловозеро, 2016). В свою очередь, представители другой стороны отмечают, что переселение было вынужденным, что предки ижемцев не

стремились захватить новые земли, более того, стремились помочь саамам. *«Может мы не всегда вникали, в то, что произошло, зачем наши предки сюда пришли <...> Если волей судьбы мы сюда пришли, но не по своей воле, мы знаем, что когда они пришли сюда, они очень долгое время тосковали, они печались, что им больше никогда не придется бывать, вернуться на свою родину, наверно. Но вот это вот наверно состояние души, душа все равно, наверно, стонала и плакала, хотелось уехать, но так как здесь уже начали появляться новые поколения, рождаться дети и смысл был какой возвращать своих оленей туда куда-то обратно <...> дед мой, прадед даже, приехав сюда они даже саамам помогали строить, свои дома, строили, выстраивали целые улицы»* (жен., 1955 г.р., коми, зап. В.Н. Денисенко, В.В. Власова, с. Ловозеро, 2016).

В настоящее время вопросы, касающиеся взаимоотношений ижемцев и саами, истории появления ижемцев на Кольском и оценки этого события, статуса этнических групп, остаются значимыми для части местного сообщества, особенно в контексте дискуссии о правах коренных малочисленных народов. *«Все-таки это (Ловозеро. – В.В.) родина, но не коренные они (ижемцы. – В.В.), хотя многие из них есть яркие такие личности, которые кричат, что они коренные, но это просто их родина»* (жен., 1988 г.р., саами, зап. В.Н. Денисенко, В.В. Власова, с. Ловозеро, 2016). *«Мы решили проводить приход коми-ижемцев на 125-летие. Как это правильно назвать “Приход коми-ижемцев на Кольскую землю, на саамскую землю” <...> Прихожу к одной представительнице саамского народа, поделиться с ней так это, и вдруг она мне говорит “Да, что это вы задумали праздник делать, отмечать приход” <...> И, что вы думаете, с того момента она со мной очень натянуто разговаривает. “Да вы сюда пришли, заняли земли”»* (жен., 1955 г.р. зап. В.Н. Денисенко, В.В. Власова, с. Ловозеро, 2016).

Ижемцы и саамы в пространстве села

По мнению исследователей, приход коми-ижемцев, оказавший существенное влияние на экономическую жизнь региона, стал переломным моментом в истории Ловозера [6. С. 48]. Долгое время село являлось зимним погостом, где саамы жили с ноября до апреля-мая, по численности относилось к разряду средних. В середине 1890-х гг. зажиточные ижемские оленеводы построили здесь свои первые дома «для оседлого места жительства» [9. С. 214]. С этого момента происходит разделение села на саамскую и ижемскую части, которые значительно отличались друг от друга. Вот как описал Ловозеро Густаф Халлстрём, посетивший его в 1910 г. «Раньше деревня была расположена несколько верст выше, где находилась и старая церковь. Однако мне казалось, что **периодические переезды** (раз в 15–20 лет) этой деревни **кончились**. Она наконец успокоилась. В “**лопарском городке**” построена новая церковь, и также дом священника. Речка естественным образом разделяет деревню на две части, **лопарская деревня находится на правом берегу,**

коми живут напротив и ниже на левом берегу. На правом берегу стояли **несколько домов коми**, но ниже лопарской деревни, и **отделены** от нее речкой. Лопарская деревня общепринятого вида: маленькие курные избы с единственной комнатой <...> Та половина деревни, что на левом берегу, **великолепна**. На обеих сторонах широкой и длинной улицы, на необычайно больших дворах расположены крепкие, огромные бревенчатые дома <...> Есть и двухэтажные дома <...> Почти на каждом дворе имеется баня» [17]. Приведем еще несколько описаний села, относящихся к первой половине XX в. «Село беспорядочно разбросано по обоим берегам Вирмы. На правом берегу находятся постройки лопарей и самоедов, счетом до 35. На этой же стороне школа, кооператив, исполком, изба-читальня <...> **Ижемская сторона** Ловозера представляет другую, **более отрадную картину, чем лопарская**» [18. С. 30]. «**Возвышается** здание в виде куба <...> это **дом богатея Рочева, оленевода-ижемца** <...> **Поселок саамов едва заметен**. Домов не видно. Кажется, дым исходит прямо из земли, настолько саамские тупы вросли в землю <...> ни одного нового дома, ни одного украшения или орнамента» [19. С. 244–245].

Очевидно, четкое деление села было весьма значимо для самих жителей, а река выступала вполне реальной границей между своими и чужими. В семейных историях ижемцев сохранились рассказы о предках-первопоселенцах и тех трудностях, с которыми они столкнулись. «В 1888 г. коми прибыли, принесли свою культуру, обычаи, какие-то ценности. Естественно разногласия возникали, **они** (саамы. – В.В.) **не хотели, чтобы они здесь селились**. Мой прадед, он на этой вот горе, которую вы будете проезжать, она называется Наум Вань по его отчеству. Они там три года стояли, **не разрешали им селиться. Это в книге все описано. Это пока они подали прошение в одно место, в другое, в третье, потом им уже разрешили. И то возникали проблемы, выгоняли, пока дед не сказал: “Все” <...> Коренные жители уже здесь жили и как-то обосновались. Поселились в определенных местах и жилища у них были, видимо, специфические. И они особо не стремились, поскольку народ кочевой, к тому, чтобы стационарные дома строить, как-то удовлетворялись этими тупами, вежами. А коми пришли, начали строить стационарные дома» (жен., коми, зап. В.Н. Денисенко, В.В. Власова, с. Ловозеро, 2016). «Василий Александрович Галкин рассказывал, что в Ловозеро один берег саамский, другой ижемский, парни дрались между собой» (жен. 1954 г.р., саами, зап. В.Н. Денисенко, В.В. Власова, с. Ловозеро, 2016). «Здесь **вообще не было домов**, а коми пришли со своими домами. Прежде всего, дом, амбар, то, что саамы не видели. И вначале у них была договоренность – одни селятся по одной стороне реки, а другие по другой» (жен. 1952 г.р., русская, зап. В.Н. Денисенко, В.В. Власова, Ловозеро, 2016).**

Мы уже отмечали, что до конца XIX в. Ловозеро являлось зимним погостом саамов, здесь были расположены традиционные зимние постройки – пырты (тупы), которые представляли собой срубные однока-

мерные постройки с плоскими, чуть наклонными крышами из досок, покрытые дерном, высотой от полутора до двух метров. В углу пырта находился камелек, сделанный из камней, обмазанных глиной, от которого на крышу шла широкая суживающаяся кверху прямая труба [7. С. 97]. Естественно, что на их фоне ижемские дома северорусского типа смотрелись более внушительно (фото 1). Таким образом, даже визуально до середины XX в. саамская и ижемская части села существенно различались, являясь зримым подтверждением культурных различий живущих по разным сторонам реки народов.

Значительные изменения во внешнем облике села произошли в 1950–1960-е гг., когда на месте саамских традиционных построек были выстроены новые бре-

венчатые дома, а позже началось строительство блочных многоэтажек. В современном облике села мало что напоминает о традиционном поселении и каком-либо национальном колорите (фото 2), что отмечают и приезжие, и исследователи, и местные жители. «Ловозеро как административный и оленеводческий центр полуострова произвело на меня, как и на других (исследователей. – В.В.) до меня, шокирующее впечатление. Вместо села с бревенчатыми домами и пасущимися оленями я увидела множество серых многоэтажных блочных домов, стоящих на берегу реки Вирмы» [20. С. 12]. Несмотря на это, местные жители прекрасно осведомлены и о разделении села, и о существовавших некогда различиях, и о конфликтах между ижемцами и саамами.

Фото 1. Село Ловозеро, «ижемская» часть села, 1970-е гг. Фото Л.Н. Жеребцова (?) из архива сектора этнографии ИЯЛИ Коми НЦ

Фото 2. Село Ловозеро, 2011. Фото В.В. Власовой

Особое внимание исследователи обращали на «различие культур» соседствующих народов, как правило, речь шла об особенностях быта и ведения хозяйства. Посетивший в 1926 г. с Ловозеро врач Н.В. Халапсин писал: «Всем известно, что лопари **малокультурны и живут плохо**». Последнее относилось к санитарно-гигиеническим условиям (нечистоплотность, обовшивленность). К факторам, влияющим на ситуацию, он отнес «нерациональное устройство жилищ, недостаточный уход за телом, однообразное питание и нерациональный уход за детьми» [21. С. 48]. Представления о различиях в бытовой сфере оказались весьма устойчивыми. *«Да, да между нами говоря, конечно, культура коми, особенно бытовая, гораздо выше была. Когда приехали сюда, большие стада лет, поселились здесь коми, стали строить просторные дома, семьи большие. Саамы кочевали, все разбросано, временное. Коми культура сильная старинная, коми принесли культуру, которую там потом впитали в себя. И кладбища два было: первое хоронили коми, второе саамское. Теперь, может, и ничем не отличаются, а раньше отличались культурой, уборкой там, содержанием»* (муж., 1939 г.р., русский, зап. В.Н. Денисенко, В.В. Власова, Ю.П. Шабаев, с. Ловозеро, 2011).

Определяющее значение для формирования образов саамского и ижемского населения играло оленеводство. Устойчивость образа саамов как «оленного народа» на уровне массовых представлений подтверждается современными исследованиями [2]. В то же время в этнографической литературе с начала XX в. господствовало мнение о «более высокой культуре» ижемцев. Оно относилось в первую очередь к различиям в организации этого вида деятельности у мигрантов и коренных жителей, в частности делался акцент на высокую товарность ижемского оленеводства [16; 22. С. 30; 23]. Н.Н. Волков в своей кандидатской диссертации, подготовленной в 1946 г., в качестве показателей прогрессивного влияния ижемцев на развитие саамского оленеводства приводил следующие: отказ саамов от вольного выпаса, заимствование некоторых элементов зимней и летней одежды и упряжи [23. С. 97]. Представления о значительном влиянии ижемцев на оленеводство Кольского полуострова сохраняются и по сей день. *«Коми принесли прогресс, малица удобнее, чем чес пес (шуба). Пимы я тоже считал своими, а оказалось коми или ненецкие. Оленей наши выпасали в частном порядке, а коми привели стада»* (муж., 1949 г.р., саами, зап. В.Н. Денисенко, В.В. Власова, с. Ловозеро, 2016). *«Саамы очень много взяли у коми, очень много. Во всем – в укладе жизни, в хозяйстве, в быту – это, конечно, культура коми господствовала»* (жен., 1952 г.р., русская, зап. В.Н. Денисенко, В.В. Власова, с. Ловозеро, 2016). Подобное позиционирование культуры ижемцев (в первую очередь хозяйственной как более прогрессивной) вызывает определенное неприятие со стороны саамов. *«Я слышала, что у нас, как бы такое было, что коми принесли сюда культуру и что все благодаря коми, были же раньше такие разговоры»* (жен., 1988 г.р., саами, зап. В.Н. Денисенко, В.В. Власова, с. Ловозеро, 2016). *«Раньше, как сказать. Тут говорят: “Коми научили саамов стоя пи-*

сать”. Это, конечно, шутка. В принципе ничего такого» (муж., 1998, саами, зап. В.Н. Денисенко, В.В. Власова, с. Ловозеро, 2016).

Следует отметить, что в советское время именно ижемская технология легла в основу колхозной и совхозной системы выпаса [24. С. 18–19]. В то же время нарекания к ней появились еще в начале XX в. «Ижемцы являются наиболее культурной оленеводческой народностью <...> использование пастбищ ведется **хищнически**, вследствие чего в деятельности своей они наносят ущерб краю, в котором появляются» [22. С. 30]. В последние десятилетия возобновилась критика «ижемской» системы выпаса, которая привела к деградации пастбищ [25. С. 117]. В настоящее время оленеводческие хозяйства Кольского полуострова перешли к экстенсивному выпасу (животные пасутся безнадзорно летом, частично поднадзорно зимой) [24. С. 16], который некоторые исследователи называют «лопарским» [25. С. 117]. Отметим, что представления о том, что современная система выпаса является своеобразным возвращением к традиционным практикам, существовавшим у саамов до прихода ижемцев, получили широкое распространение у части саамского населения, особенно среди саамских активистов, ратующих за развитие частного оленеводства [26]. Подчеркивается лучшая приспособленность хозяйства саамов к местным природным условиям, что, в свою очередь, ставит под сомнение «прогрессивность» ижемской модели оленеводческого хозяйства.

Представления о национальном характере

Рассказы коренных жителей о предприимчивости, хитрости, даже коварстве ижемцев представлены в этнографической литературе. «Против них выставляется целый ряд обвинений, а главное то, что они **крадут оленей и вытаптывают** «чужие» ягельники <...> Благоприятный исход судебных преследований зырян русские объясняют лишь исключительной **пронырливостью** ижемцев, среди которых есть один такой, что записал Царя себе крестным отцом, а потому местное начальство, даже министры, боятся идти против ижемца-хитреца <...> Русские и лопарские олени, приставая к стадам ижемцев, **не признающим местного обычая**, не всегда возвращаются хозяевам» [16. С. 45, 47, 49]. Иначе описываются саамы. «Слабые физически по природе, часто **забитые** в силу неблагоприятных условий жизни, **ленивые и недостаточно предприимчивые** в связи со своеобразием их быта, лопари **обладают редкими душевными качествами**, невольно располагающими к ним» [10. С. 38]. В свою очередь, ижемцы получили иную характеристику: «Совершенно естественно, что **ижемцы, более сильные физически, культурно и материально**, по мере увеличения своей численности оттесняли лопарей на второй план. Поэтому, наблюдая ловозерских **лопарей**, вы невольно чувствуете их **забитость, хозяйственную слабость и культурную отсталость** и вместе с тем сознаете, что не они хозяева в их центре (в Ловозере. – В.В.)» [Там же. С. 10].

Представления о предприимчивости ижемцев, их умении приспособиться к ситуации бытуют среди ловозерцев и сегодня. «У кого нет в администрации людей, тот будет угнетен <...> коми продвинутый народ, они есть в начальстве, а саамов нет» (муж., 1949 г.р., саами, зап. В.Н. Денисенко, В.В. Власова, с. Ловозеро, 2016). «Ижемцы более предприимчивые, активные <...> (зачитывает из книги «Советские саамы») саамы оставались честным, незлобивым народом» (жен., 1954 г.р., саами, зап. В.Н. Денисенко, В.В. Власова, с. Ловозеро, 2016); «по сути смотреть, коми народ такой более устойчивый, прагматичный, предприимчивый» (жен., 1955 г.р., коми, зап. В.Н. Денисенко, В.В. Власова, с. Ловозеро, 2016). Характеристика одним из информантов ижемцев как «активных и предприимчивых», а саамов как «честных и незлобивых» содержит определенное указание на то, что «предприимчивость», которая трактуется как положительное качество самими ижемцами, может интерпретироваться совершенно иначе саамами.

Формирование образов коренного (саамского) и пришлого (ижемского) населения с. Ловозеро было обусловлено объективными различиями культур, которые были ярко выражены на момент первых контактов (традиционные постройки, одежда, способы ведения хозяйства). Особое влияние оказало то обстоятельство, что представители этих народов конкурировали в одном культурном пространстве (оленьеводстве), а также тот факт, что саамы оказались в определенной экономической зависимости от более успешных мигрантов. На наш взгляд, этот факт нашел отражение в представлениях о национальном характере саамов и ижемцев, которые сохраняются по сей день. В отдельных этнографических работах 1920–1930-х гг., а также в некоторых интервью с представителями саамов, записанных в 2011, 2016 гг., приход переселенцев с Ижмы

трактуются как захват саамских территорий предприимчивыми пришельцами, не соблюдающими устоявшихся традиций; тогда как сами ижемцы говорят о нем как о вынужденном переселении.

До середины XX в. стратегии взаимодействия, избранные саамами и ижемцами, были направлены на закрепление культурной дистанции. На уровне локального сообщества это нашло отражение в длительном разделении села на саамскую и ижемскую части, в отсутствии межэтнических браков [8. С. 160]. В то же время происходило определенное взаимовлияние культур, в частности заимствование отдельных элементов одежды (малицы, пимы), усвоение хозяйственных практик (изменение системы выпаса в оленеводстве). Следует отметить, что длительное время на формирование образов саамов и ижемцев с. Ловозера определяющее влияние оказывало оленеводство как неотъемлемый элемент традиционной хозяйственной деятельности этих народов. В последние десятилетия представления о прогрессивности ижемского оленеводства и отсталости саамского подверглись значительному пересмотру под влиянием социально-экономических и политических факторов (экономические изменения постперестроечного периода, поддержка «саамского оленеводства» зарубежными организациями). На наш взгляд, особую роль в формировании современных этнических образов этих народов играют опубликованные исторические и этнографические работы: в ходе интервью информанты не только ссылались на книги, но и зачитывали фрагменты, чтобы проиллюстрировать или подтвердить свои слова. Сформировавшие этнические образы оказались достаточно устойчивыми, но постепенно размываются под влиянием процессов социально-культурной интеграции, усиливающихся как на общенациональном, так и на локальном уровнях.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ В 1927 г. Ловозерский погост, являвшийся волостным центром, объединял 9 населенных мест, расположенных на территории в 25 тыс. квадратных километров, по предварительным данным переписи 1926/1927 гг. здесь проживал 1 301 житель, из них 510 саамов [10. С. 8].

ЛИТЕРАТУРА

- Разумова И.А., Петров В.П. Проблемы и перспективы социально-антропологических исследований этнокультурной ситуации на Кольском Севере // Формирование основ современной стратегии природопользования в Евро-Арктическом регионе / ред. А.Н. Виноградов. Апатиты : Кольский науч. центр, 2005. С. 408–418.
- Разумова И.А. «Аборигены» и «мигранты»: проблемы аккультурации и культурной дистанции коренного и городского населения Крайнего Севера // Народные культуры Европейского Севера : республиканская науч. конф. (Архангельск, 15–17 октября 2007 г.) / отв. ред. Н.В. Драникова. Архангельск : Поморский ун-т, 2008. URL: <http://folk.pomorsu.ru/index.php?page=booksopen&book=9> (дата обращения: 10.10.2017).
- Денисенко В.Н., Власова В.В. Сохранение и репрезентация этничности в локальных группах (саамы и ижемцы села Ловозеро) // Европейский север: локальные группы и этнические границы / отв. ред. О.И. Уляшев. Сыктывкар : Коми науч. центр, 2012. С. 99–120. (Труды Института языка, литературы и истории, вып. 71).
- Поворознюк О.А. «Аборигены», «бамовцы» и «приезжие»: социальные отношения на севере Забайкалья // Сибирский сборник–4. Грани социального: антропологические перспективы исследования социальных отношений и культуры / отв. ред. В.Н. Давыдов, Д.В. Арзютов. СПб. : МАЭ РАН, 2014. С. 38–55.
- Чеснов Я.В. Этнический образ // Этнознаковые функции культуры / ред. Ю.В. Бромлей. М. : Наука, 1991. С. 58–85.
- Гуцол Н.Н., Виноградова С.Н., Саморукова А.Г. Переселенные группы кольских саамов. Апатиты : Изд-во Кольского науч. центра РАН, 2007. 86 с.
- Лукьянченко Т.В. Материальная культура саамов Кольского полуострова конца XIX – XX вв. М. : Наука, 1971. 167 с.
- Конаков Н.Д., Котов О.В. Этноареальные группы коми: формирование и современное этнокультурное состояние. М. : Наука, 1991. 231 с.
- Краткое историческое описание приходов и церквей Архангельской епархии / Архангельский епархиальный церковно-археологический комитет. Архангельск : Типо-лит. наследников Д. Горайнова, 1896. Вып. 3: Уезды: Онежский, Кемский и Кольский. 2, IV, II, 267 с.
- Золотарев Д.А. Лопарская экспедиция Русского географического общества (11.01–11.05.1927). Л. : Изд. Гос. Рус. географического о-ва, 1927. 48 с.
- Золотарев Д.А. Кольские лопари. Л. : Изд. Академии наук СССР, 1928. 207 с. (Труды Лопарской экспедиции Русского географического общества по антропологии лопарей и великорусов Кольского полуострова).

12. Сенявская Е.С. Влияние войн XX в. на формирование образа Финляндии и финнов в России // Межкультурные взаимодействия в полиэтничном пространстве пограничного региона : сб. материалов междунар. науч. конф. Петрозаводск, 2005. С. 126–130.
13. Мороз А.Б. «Свои» и «чужие» святые: к вопросу о формировании культа святых // Рябининские чтения – 2011 : материалы VI конф. по изучению и актуализации культурного наследия Русского Севера. Петрозаводск : Карельский науч. центр РАН, 2011. С. 121–124.
14. Бодрова О.А. Саамы в русской этнографической литературе второй половина XIX – начала XX веков : автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2009. 18 с.
15. Очерк путешествия архангельского губернатора А.П. Энгельгарта в Кемский и Кольский уезды в 1895 году. Архангельск : Губернская тип., 1895. 128 с.
16. В-р. Из области оленеводства // Известия Архангельского Общества изучения Русского севера. 1909. № 7. С. 35–50.
17. Гюлленхааль А.-С., Острём А.-Л. Выставка «Густаф Халлстрём на Кольском полуострове». 2010. Музей истории, культуры и быта кольских саамов. Ловозеро.
18. Киселев А.А., Киселева Т.А. Советские саамы: история, экономика, культура. Мурманск, 1979. 166 с.
19. Чарнолуский В.В. В краю летучего камня. Записки этнографа. М. : Мысль, 1972. 270 с.
20. Vladimirova V. Just Labor. Labor Ethic in a Post-Soviet Reindeer Herding Community // Acta Universitatis Upsaliensis. Uppsala Studies in Current Anthropology. Uppsala. 2006. Vol. 40.
21. Черняков З.Е. Очерки этнографии саамов. Рованиemi : Университет Лапландии, 1998. 126 с.
22. Чарнолуский В.В. Материалы по быту лопарей. Опыт определения кочевого состояния лопарей восточной части Кольского полуострова. Л. : Изд. Гос. Рус. географического о-ва. 1930. 176 с.
23. Волков Н.Н. Российские саамы : историко-этнографические очерки. СПб.–Каутокейно : МАЭ им. Петра Великого – Саамский институт, 1995. 106 с.
24. Истомин К.В. О динамике культуры оленей на Кольском полуострове // Уральский исторический вестник. 2017. № 2 (55). С. 16–24.
25. Кучинский М.Г. Саамы Мурманской области : очерк современного положения // Труды Кольского научного центра. 2011. № 6. С. 114–128.
26. Konstantinov Yu. Reindeer Herding on the Kola Peninsula Today. URL: <http://www.arcticcentre.com/loader.aspx?id=64add329-601b-4c65-bdd3-6576abb936ef> (accessed: 10.10.2017).

Victoria V. Vlasova, Institute of Language, Literature and History, Komi Science Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Syktyvkar, Russian Federation). E-mail: vv505@hotmail.com

SAAMI AND KOMI-IZHEMSTY OF LOVOZERO: FORMING OF IMAGES OF INDIGENOUS PEOPLE AND NEWCOMERS

Key words: ethnic images, local groups, Saami, Komi-Izhemtsy.

The article is dedicated to the ethnic images of Saami and Komi-Izhemtsy of Lovozero, Murmansk region. We believe that images were shaped by the notions about indigenous people and newcomers as well as those notions were determined by the ethnic images. Our goal was to analyze factors that had affected the ethnic images, to analyze factors that impact on the sustainability and transformation of these images. In this article we used publications of the beginning of the 20th century which contain information about Saami – Komi relationships. We also used field data collected in Lovozero during the expeditions in 2011, 2016, characterizing contemporary situation. The research is based on qualitative methodology: interviews with ethnic activists, staff from education and culture, semi-structured interviews with the students of college. Till the end of 19th century Lovozero was typical Saami village (pogost). In the middle of 1890th first houses of the Izhemtsy were built here. Izhma Komi moved to the Kola Peninsula with their reindeer herds in 1887 from Pechora region because of heavy diseases that caused massive loss of deer. Formation of the images of indigenous (Saami) and newcomers (Izhemtsy) had resulted from some objective differences in culture of these ethnic groups (traditional buildings, traditional clothes, economy). These differences were more pronounced in the beginning of the 20th century. We argue that the conflict between indigenous and newcomers, resulting from competition for resources, is still a pivotal motive in oral narratives about relationships between Saami and Izhemtsy. Forming of the ethnic images was particularly affected by the fact that these groups had competed in the same cultural space (reindeer herding), as well as that Saami become economically dependent on migrants. The reindeer herding, as an important element of the traditional economic activities of Saami and Izhemtsy, had a decisive influence on the ethnic images of these ethnic groups. Nowadays the ideas about “progressive” nature of the Izhma methods of reindeer herding and “backwardness” of the Saami ones have undergone considerable revision under the influence of social, economic and political factors (economic changes of the post-soviet period, support for “traditional Sami ethnic methods of reindeer herding” by foreign organizations). We also note that today published texts on history and ethnography have a certain impact on formation of ethnic images.

REFERENCES

1. Razumova, I.A. & Petrov, V.P. (2005) Problemy i perspektivy sotsial'no-antropologicheskikh issledovaniy etnokul'turnoy situatsii na Kol'skom Severe [Problems and perspectives of socio-anthropological studies of the ethno-cultural situation in the Kola North]. In: Vinogradov, A.N. (ed.) *Formirovanie osnov sovremennoy strategii prirodoopol'zovaniya v Evro-Arkticheskom regione* [Formation of the foundations of a modern nature management strategy in the Euro-Arctic region]. Apatity: Kol'skiy nauchnyy tsentr. pp. 408–418.
2. Razumova, I.A. (2008) “Aborigeny” i “migrant”: problemy akkul'turatsii i kul'turnoy distantsii korennoy i gorodskogo naseleniya Kraynego Severa [“Aborigines” and “migrants”: problems of acculturation and cultural distance of indigenous and urban population of the Russian Far North]. In: Drannikova, N.V. (ed.) *Narodnye kul'tury Evropeyskogo Severa* [Folk cultures of the European North]. Arkhangel'sk: Pomorskiy universitet. [Online] Available from: <http://folk.pomorsu.ru/index.php?page=booksopen&book=9> (Accessed: 10th October 2017).
3. Denisenko, V.N. & Vlasova, V.V. (2012) Sokhraneniye i reprezentatsiya etnichnosti v lokal'nykh gruppakh (saamy i izhemtsy sela Lovozero) [Preservation and representation of ethnicity in local groups (Saami and Izhemtsy of Lovozero village)]. In: Ulyashev, O.I. (ed.) *Evropeyskiy sever: lokal'nye gruppy i etnicheskie granitsy* [European North: Local Groups and Ethnic Boundaries]. Syktyvkar: Komi nauchnyy tsentr. pp. 99–120.
4. Povoroznyuk, O.A. (2014) “Aborigeny”, “bamovtsy” i “priezhzhie”: sotsial'nye otnosheniya na severe Zabaykal'ya [“Aborigines”, “BAM-builders” and “outsiders”: social relations in the north of Transbaikalia]. In: Davydov, V.N. & Arzyutov, D.V. (2014) *Sibirskiy sbornik–4. Grani sotsial'nogo: Antropologicheskie perspektivy issledovaniya sotsial'nykh otnosheniy i kul'tury* [Siberian Collection – 4. Social Facets: Anthropological Perspectives on the Study of Social Relations and Culture]. St. Petersburg: RAS. pp. 38–55.
5. Chesnov, Ya.V. (1991) Etnicheskiy obraz [Ethnic image]. In: Bromley, Yu.V. (ed.) *Etnoznakovyye funktsii kul'tury* [Ethno-cultural functions of culture]. Moscow: Nauka. pp. 58–85.

6. Gutso, N.N., Vinogradova, S.N. & Samorukova, A.G. (2007) *Pereselennye grupy kol'skikh saamov* [Resettled groups of the Kola Saami]. Apatity: RAS.
7. Lukyanchenko, T.V. (1971) *Material'naya kul'tura saamov Kol'skogo poluostrova kontsa XIX – XX vv.* [Material culture of the Saami of the Kola Peninsula in the late 19th – 20th century]. Moscow: Nauka.
8. Konakov, N.D. & Kotov, O.V. (1991) *Etnoareal'nye grupy komi: Formirovanie i sovremennoe etnokul'turnoe sostoyanie* [Komi Ethnic Diasporas: Groups Formation and Present Ethno-Cultural State]. Moscow: Nauka.
9. Church and Archaeological Committee of the Archangel Eparchy. (1896) *Kratkoe istoricheskoe opisanie prikhodov i tserkvey Arkhangel'skoy eparkhii* [A brief historical description of the parishes and churches of the Archangel Eparchy]. Vol. 3. Arkhangelsk: D. Goryaynov.
10. Zolotarev, D.A. (1927) *Loparskaya ekspeditsiya Russkogo geograficheskogo obshchestva (11.01–11.05.1927)* [Lapland expedition of the Russian Geographical Society (11.01–11.05.1927)]. Leningrad: Russian Geographical Society.
11. Zolotarev, D.A. (1928) *Kol'skie lopari. Trudy Loparskoy Ekspeditsii Russkogo Geograficheskogo Obshchestva po antropologii loparey i velikorusov Kol'skogo poluostrova* [The Kola Laplanders. Proceedings of the Lapland Expedition of the Russian Geographical Society for the Anthropology of the Lapps and Great Russians of the Kola Peninsula]. Leningrad: USSR AS.
12. Senyavskaya, E.S. (2005) Vliyaniye voyn XX v. na formirovaniye obraza Finlyandii i finnov v Rossii [The influence of the 20th century wars on the formation of the image of Finland and the Finns in Russia]. In: Ilyukha, O.P. (ed.) *Mezhkul'turnye vzaimodeystviya v polietnichnom prostranstve pogranichnogo regiona* [Intercultural Interactions in the Polyethnic Space of the Border Region]. Petrozavodsk: RAS. pp. 126–130.
13. Moroz, A.B. (2011) [Our and their Saints: On formation of the cult of saints]. *Ryabininskie chteniya-2011* [The Ryabinin Readings–11]. Proc. of the 6th Conference on Russian North Cultural Heritage. Petrozavodsk: RAS. pp. 121–124. (In Russian).
14. Bodrova, O.A. (2009) *Saamy v russkoy etnograficheskoy literature vtoroy poloviny XIX – nachala XX vekov* [Saami in Russian ethnographic literature of the second half of the 19th – early 20th centuries]. Abstract of History Cand. Diss. St. Petersburg.
15. Engelgart, A.P. (1895) *Ocherk puteshestviya arkhangel'skogo gubernatora A.P. Engel'gart v Kemskiy i Kol'skiy uyezdy v 1895 godu* [Essay on the journey of Arkhangelsk Governor A.P. Engelgart in Kemskey and Kola uyezds in 1895]. Arkhangelsk: Gubernskaya tipografiya.
16. V-r. (1909) Iz oblasti olenevodstva [Some data on reindeer herding]. *Izvestiya Arkhangel'skogo Obshchestva izucheniya Russkogo severa*. 7. pp. 35–50.
17. Gyullenkhaal, A.-S. & Ostrem, A.-L. (2010) *Vystavka "Gustaf Khallstrem na Kol'skom poluostrove"* [Exhibition "Gustaf Hallström on the Kola Peninsula"]. Lovozero: Museum of the History, Culture and Life of the Kola Sami.
18. Kiselev, A.A. & Kiseleva, T.A. (1979) *Sovetskie saamy: istoriya, ekonomika, kul'tura* [Soviet Saami: history, economics, culture]. Murmansk: [s.n.].
19. Charnolusky, V.V. (1972) *V krayu letuchego kamnya. Zapiski etnografa* [In the land of the flying stone. Notes of the ethnographer]. Moscow: Mysl'.
20. Vladimirova, V. (2006) Just Labor. Labor Ethic in a Post-Soviet Reindeer Herding Community. *Acta Universitatis Upsaliensis. Uppsala Studies in Current Athropology*. 40.
21. Chernyakov, Z.E. (1998) *Ocherki etnografii saamov* [Essays on the Sami ethnography]. Rovaniemi: University of Lapland.
22. Charnolusky, V.V. (1930) *Materialy po bytu loparey. Opyt opredeleniya kochevogo sostoyaniya loparey vostochnoy chasti Kol'skogo poluostrova* [Materials on the everyday life of the Laplanders. Experience in determining the nomadic state of the Laplanders of the eastern part of the Kola Peninsula]. Leningrad: The State Russian Geographical Society.
23. Volkov, N.N. (1995) *Rossiyskie saamy. Istoriko-etnograficheskie ocherki* [The Russian Sami. Historical and Ethnographic Essays]. St. Petersburg; Kautokeyno: Sami Institute.
24. Istomin, K.V. (2017) The dynamics of reindeer culture on the Kola Peninsula. *Ural'skiy istoricheskiy vestnik – Ural Historical Journal*. 2(55). pp. 16–24. (In Russian).
25. Kuchinsky, M.G. (2011) Saami Murmanskoy oblasti: Ocherk sovremennogo polozheniya [Sami of the Murmansk region: An outline of the current situation]. *Trudy kol'skogo nauchnogo tsentra*. 6. pp. 114–128.
26. Konstantinov, Yu. (n.d.) *Reindeer Herding on the Kola Peninsula Today*. [Online] Available from: <http://www.arcticcentre.com/loader.aspx?id=64add329-601b-4c65-bdd3-6576abb936ef> (Accessed: 10th October 2017).